

УДК 82-313.3

А.О. ФОМИЧЕНКО

(anna_fomichenko@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТНОГО СОЗНАНИЯ РЕБЕНКА В ТЕТРАЛОГИИ Б.К. ЗАЙЦЕВА «ПУТЕШЕСТВИЕ ГЛЕБА»: РОМАН «ЗАРЯ»

Рассматривается формирование личностного сознания ребенка в раннем возрасте, на примере романа Б.К. Зайцева «Заря». Проводится анализ текста романа, который помог вывить основные моменты становления и формирования детского сознания. Выявляется роль романа «Заря» в общей концепции тетралогии Б.К. Зайцева.

Ключевые слова: автобиографический роман, Б.К. Зайцев, роман «Заря», детство, ребенок, личность, формирование сознания

Первая часть тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествия Глеба» – роман «Заря» повествует о детстве и отрочестве «небольшого, большеголового, важного мальчика», образ которого автор сразу же стремится вывести на высокую ступень художественного обобщения: *он такой же ребенок, позже подросток, юноша, как тысячи других, значит, говорить о его исканиях цели жизненной, томлениях, сомнениях религиозных и пути приближения к истине, о его попытках творчества и культе творчества – значит, говорить о человеке вообще* [4, с. 1].

С самых юных лет Зайцев воссоздает процесс становления сознания своего героя — Глеба, его первое «путешествие в жизнь». Отсюда и название первой части тетралогии – «Заря». Толковые словари русского языка, в частности, С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова, Т.Ф. Ефремовой, выделяют, помимо прямого, переносное значение слова *заря*: «ранняя пора, начало, зарождение чего-либо». В нашем случае – первые признаки кропотливой работы сознания восьмилетнего ребенка, отмечая «радостную и светлую» природу данного феномена. Именно таковыми и представляются нам первые годы еще неосознанной, игровой, беззаботной жизни мальчика. Верхний рубеж границы детства весьма подвижен и определяется возрастом от 7 до 12–14 и даже 17–20 лет. Как правило, внимание большинства писателей, исследующих процесс становления личности «дитяти», привлекает период от 5 до 12–13 лет, поскольку в этом возрасте ребенок уже относительно независим от родителей, способен к самостоятельным действиям и поступкам, у него развиты мотивационная сфера, память, внимание [3, с. 5].

С первых строк романа «Заря» постепенно открывается детский мир восьмилетнего мальчика Глеба. Он — сын инженера, заведующего рудниками Мальцевских заводов, живет в усадьбе в селе Усты на реке Жиздре; у него мать «красивая, с холодноватым выражением правильного, тонкого лица, спокойная и небыстрая в движениях»; сестра Лиза, кузина Соня с прозвищем Собачка, бабушка Франя, полька и католичка, — «гоноровая пани Франциска Ивановна», няня Дашенька «с благообразно-увядшим лицом, кроткими, бесцветными глазами, запахом лампадного масла» и гувернантка — «балтийская светловолосая Лота» [2, с. 593]. Маленький мальчик еще не знает, сколько всего ему предстоит пережить, пройти в этом мире, и его по-детски наивное, тонкое, трепетное «я», только начинающее познавать окружающую действительность, отмечает буквально все вокруг, как отрицательное, так и положительное, как простое, так и сложное, видит в обычных, повседневных вещах необычное. Например, июньское утро, «ничем от других не отличающееся», «для всех» обычное для Глеба кажется «особенным». Глеб одержим желанием, как и другие мальчишки, съездить в ночное, но поскольку «это Глебу было заказано, хоть и составляло горячую мечту», восьмилетний герой мечтает о «взрослом»: попасть на охоту в настоящий, прелестный, «некий полусказочный» лес. Так, уже в начале лирического повествования звучит мотив, передающий ощущение счастья, наслаждения полнотой жизни.

Роман автобиографичен. Поэтому автор в соответствии со своими стремлениями, переживает свое прошлое заново, погружается в ту безвозвратно ушедшую эпоху сквозь призму мыслей и чувств героя.

Становление сознания Глеба, взросление его души определяют основную сюжетную линию произведения. Природа, родной дом, сияющие в солнечных лучах небесные и земные краски — все то, что составляет «Божий мир», наполняется новым значением, сокровенным смыслом.

Бесспорную симпатию вызывают и черты характера маленького Глеба: некоторая замкнутость, объясняемая самоуглублением, сдержанность в проявлении чувств, «тихость» и задумчивость, любовь к уединению и внутренней жизни, изящество и мягкость. Мир отчего дома в усадьбе Усты, где проходят первые годы жизни Глеба, представлен в сознании мальчика как образ земного рая, который он понесет по жизни в своей памяти. Окружающая действительность буквально наполнена для мальчика идиллией: в его сознании звучат голоса «жизни, дня, порядка, повседневности»: *Новый день Глеба такой же, как и прежние. То же благословение своего дома, своих занятий, забав, игр* [1, т. 4, с. 46]. Фактографически, как картинки, мелькают события: ежедневное чаепитие в саду перед домом со «старыми липами, старым столом, белой скатертью, самоварами, чашками... покрытых пестро-золотистыми солнечными пятнами»; проводы отца на Шахту «поцелуй в рыжеватые усы, от которых пахнет табаком, благоговенный взгляд»; «поездка в кабриолете, удивительный луговой запах, теплое благоуханье»; игра в лапту с другими детьми, ужин «в том же палисаднике, при свечах, в стеклянных колпачках», а затем сон, крепкий, детский сон, когда «коростель надрывается – коростель июньской русской ночи». Таким образом, в повествовании формируется типичный идиллический хронотоп детства, который соотносится с такими традиционными мотивно-образными комплексами, как дом или «образ счастливого места», образы матери и отца, с мотивом изобилия, потерянного рая.

Однако автор знает будущее своего героя: он с печальным умилением смотрит на его детское счастье; голос «из настоящего» по временам врывается в хрупкое благополучие мира прошлого; постоянно напоминая читателю о том, что эти люди, эта жизнь, эта прекрасная страна стояли под знаком гибели, что уже тогда, в «невероятном, ослепительном свете», в «благодатности дыхания любви» – все они были уже обреченные [2, с. 594]. Обреченность автор подчеркивает и в сознании Глеба: *ему как бы «напевает» судьба «в тот зимний, свинцовый день правильно: мест первоначального, полурайского детства и вправду не дано было ему увидеть* [1, т. 4, с. 82]. Когда по прошествии сорока лет он вернется в Усты, все, кого он знал, умрут. И все же Зайцев оставляет читателю надежду на возможность обретения «потерянного рая», но уже в ином – метафизическом измерении, в пространстве памяти.

Пока радостным, солнечным, праздничным, пасхальным светом пронизано описание традиционного дворянского быта, семейного уклада. Каждое утро в устовском доме начинается с мирной беседы родителей в спальне матери. Этот домашний ритуал запечатлевается в сознании юного героя как образ семейного мира и согласия: *Глеб любил эти утренние посещения. Ему казалось – так и надо, хорошо и ласково разговаривать отцу с матерью. Многие предстояло узнать. Но навсегда обликом домашнего мира осталось: отец, почтительно целующий руку матери, мать, неторопливо и благожелательно отвечающая* [Там же, с. 34]. Кроме родителей, в пространство «домашнего мира» Глеба входят сестра Лиза, воспитанница Соня-Собачка, гувернантка Лота. Лота в детском сознании запечатлевается как образ врага, недруга: она впервые доложила отцу Глеба, что сын курит, и несмотря на то, что отец только расхохотался, в сознании маленького ребенка остался «неприятный осадок», он стал относиться к Лоте «сверху вниз», «резко от себя отделяя». В общении с «домашними» Глеб не только познает мир через игру и через уроки, но по сути в самых простых, обыденных ситуациях осваивает мужские модели поведения, проявляет черты, которые составляют основу мужского характера – сдержанность, терпение, силу воли.

Одним из переломных моментов в сознании героя является момент, когда маленький Глеб получает от взрослых в подарок «детское ружьецо» – предмет, который вводит его в мир уже не детских чувств – острых эмоций охотничьего азарта: *Тело его находилось за столом рядом с матерью, но все то, что составляло его сущность, было в кабинете, где на рогу висело новенькое ружьецо. Был это первый день его детства, когда переступил он в мир недетский и нерайский* [Там же, с. 39]. С этого момента в романе начинает явственно звучать мотив пробуждения страстей. Зайцев видит в этом не-

детском стремлении пробуждение темных инстинктов: «Что это? Для чего? Какой зов крови, греха? Он был ребенок, ничего не понимал ни в жизни, ни в страстях, и вольно отдавался темным потаенным силам существа своего» [Там же, с. 41]. Автор подчеркивает острые противоречия в мировосприятии Глеба, несовместимые начала: *Глеб не выносил грубости и жестокости. С ужасом видел, как пьяные мужики бьют жен, как дерутся сами на uspение и на Славуцкую. Обижался, когда отец резко бранил кого-нибудь и вообще не выносил торжества силы: не любил римлян за всегдашние победы, сочувствовал Гектору и троянцам, терпеть не мог Рейнеке Лиса (вся книжка была исколота штыком). И с восторгом, почти сладострастным, смотрел, как с липового сука падает застреленная им ворона, или дрозд судорожно дергает лапой, а глаз его предсмертно затягивается сероватой пленкой* [Там же, с. 41].

В прекрасном, гармоничном, наполненном любовью мире усадьбы Усты присутствуют прообразы будущих потрясений, трагедий и катастроф. В этом смысле символичен пожар – страшное событие для всех устовцев. Это событие, переживаемое в сознании Глеба, как страшное откровение, в котором «минутно лишь приоткрылось грозное будущее» [Там же, с. 44–45]. Так, в сознании героя постепенно складывается образ Родины, разрастаясь от исходной точки «малой Родины» (мира устовского дома и села) до смутного образа Петербурга – «столицы»: *Огромности, дали своей родины он не мог бы ни понять, ни измерить. Но что называется она «Россия» знал, к слову чувствовал уважение* [Там же, с. 55]. Герой воспринимает себя во множестве временных координат, в контексте истории.

Прообразом будущих испытаний Глеба можно считать болезнь всей детской половины устовского дома, когда «один за другим вошли они в новый, еще не виданный ими тяжкий мир» [Там же, с. 64]. Тифозная горячка описывается автором как опыт приобщения главного героя к страданиям. В этой страшной картине больным сознанием мальчика отмечается только одно светлое пятно – спасительница мать в ангельском сиянии: «белая кофточка во всей чепухе снов, кошмаров, рвот», и подаваемое ей исцеляющее средство – «серебряная ложка во рту с чем-то сладковато-противно-благодетельным, глоток остывшего чая с лимоном – капля влаги во ад, подаваемая белой кофточкой» [Там же, с. 65]. Контрастный по тональности эпизод – выход выздоравливающего ребенка на улицу в ясный мартовский день [4, с. 7]. Знакомые картины дома, двора, улицы являются герою в райском сиянии — настолько обострены впечатления обновленной, преображенной в страдании души. Таким образом, мир детства дает сознанию зайцевского героя опыт переживания и «райских» наслаждений, и «адских» мучений, гибели и спасения, становится своеобразной подготовкой к взрослой жизни.

Выздоровление как обновление духовных сил героя проявляется и в том, что он начинает обостренно ощущать свою связь с миром Божиим, прежде всего, с миром природы, которая словно обновляется вместе с ним в весеннем пробуждении: *В одиночестве он выходил с утра, в высоких сапогах, с палкою или лопаткой, наблюдать за успехами весны и помогать* [1, т. 4, с. 67]. Он ощущает себя «частью этой весны», участником процесса всеобщего обновления и главным помощником для весенней природы, преодолевающей мертвенность зимы. Еще одним этапом приобщения героя к красоте Божьего мира, ощущения полноты жизни, «восторга бытия» становится летняя поездка всей семьи на хутор Будаки [4, с. 8]. Его описание предваряется стихом псалмопевца Давида: «На всяком месте владычества его благослови душе моя Господа». И вновь взрослому автору смысл этого библейского стиха открывается именно через детские впечатления: «Глеб не знал Псалмов, а о царе Давиде не имел представления. Но восторг бытия был уже ему знаком по Устам: *Глеб любил Уста. Теперь же, здесь, как будто находился в новом мире, много прекрасней, свежей, чище* [1, т. 4, с. 71]. Этот мир пронизан лучами благодати, в которых все обыкновенное и обыденное кажется необычным.

Обостренное восприятие красоты Божьего мира юным героем находит своеобразное оформление в первых попытках художественного творчества. В Людинове, новом месте обитания семьи Глеба, он ощущает себя художником, видит свое высокое призвание в творчестве. Самое творчество – занятие рисованием – Глеб воспринимает как продолжение того сотворчества с природой, которое он совершал, «помогая» весне. Когда Глеба отвлекают от любимого дела, он злится, нервничает, уже повзрос-

лев, часто вспоминает свое занятие, включаясь своим детским «творчеством» в общий великий процесс обновления и преображения мира.

Еще одним переломным моментом в сознании героя становится его переезд в Калугу и начало учебы в гимназии. Новый мир и новый образ жизни ощущается Глебом как полная противоположность тому гармоничному жизненному укладу, к которому он привык. Все здесь кажется герою отчужденным и враждебным, прежде всего — сама гимназия: *Каждый раз, входя в огромное здание гимназии, чувствовал себя Глеб в остроге. Всякий человек в вицмундире – власть, от каждого он зависит. Каждый может сказать резкое и неприятное, и ни от кого нельзя ждать приветов* [Там же, с. 129]. В этом новом мире нет свободы и нет любви – все это делает учебу в гимназии тяжелой повинностью. Этот принцип несвободы и жестокости олицетворен в образе директора гимназии: *Главный же ужас, почти мистический внушал директор <...> Нечто печальное и замогильное было в движении директора и в голосе, безнадежных стальных глазах. <...> При виде его Глеб испытывал какую-то тоску, он не думал и не осмысливал ничего, просто становилось тяжело на сердце. На уроках отвечал хорошо, но впервые в жизни ощущал острое чувство нелюбви* [Там же, с. 130]. Попав в атмосферу нелюбви, Глеб становится ее жертвой. Он бунтует и сопротивляется, но в то же время бессознательно усваивает новые модели поведения – по закону нелюбви.

В силу детской гордыни персонаж часто воспринимает себя «особенным», «имеющим какое-то предназначение», «героем», «высокомерным», «важным мальчиком». Но и это необходимый этап взросления, т.к. «изучая» мир, Глеб получает жизненно необходимый опыт через ошибки и падения. Можно утверждать, что даже взятый автором на «заре» жизни Глеб тем не менее показан во всей сложности характера, уже не вполне детского: «Сам Глеб взят не под знаком восторга перед ним. Напротив, хоть автор и любит своего подданного, все же покаянный мотив в известной степени проходит через все» [1, т. 4, с.591], – считал сам Зайцев.

Анализ первого романа тетралогии Б.К. Зайцева позволяет сделать вывод о том, что в этом произведении автор дал глубокую и психологически достоверную картину начального периода человеческой жизни как подготовки к последующему становлению, развитию, духовному восхождению.

Литература

1. Зайцев Б.К. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1999.
2. Мочульский К. Ясновидение любви // Современные записки. Париж, 1937. Кн. 64.
3. Савина Л.Н. Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX в. (Л.Н. Толстой «Детство», С.Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Темы»). Волгоград, 2002.
4. Титкова Н.Е. Образ детства в романе Б.К. Зайцева «Заря» // Культура и образование. 2014. № 6.
5. Челюканова О.Н. Симультанный хронотоп в русской детской прозе 50–80-х гг. XX века // Мир науки, культуры, образования. 2009. №7(19). С.88–90.

FOMICHENKO A.O.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

FORMATION OF PERSONAL CONSCIOUSNESS OF THE CHILD IN THE TETRALOGY B. K. ZAYTSEV «GLEB'S TRAVEL»: NOVEL «ZARIA»

Formation of personal consciousness of the child at early age, on the example of B. K. Zaytsev's novel «Zaria» is considered. The analysis of the text of the novel which helped to vyvit highlights of formation and formation of children's consciousness is carried out. The role of the novel «Zaria» in the general concept of the tetralogy of B. K. Zaytsev comes to light.

Keywords: autobiographical novel, B. K. Zaytsev, novel «Zaria», childhood, child, personality, formation of consciousness